
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2026.02.04

БЕЛОУСОВ М.Г.¹ АНТИГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В
РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЭПОПЕИ
М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)[©]

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу двух второстепенных персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» Дмитрию Коршунову и Михаилу Кошевому. Принадлежа к двум враждующим лагерям Гражданской войны в России, далёкие от каких-либо теоретических догм, они являются практическими реализаторами её антигуманной сущности, воплощая предельную жестокость этого братоубийственного противостояния. Автор романа, писавший в условиях усиления тоталитарного государства и под жёстким контролем цензуры, продемонстрировал выдающееся гражданское мужество, фактически уравнивая между собой персонажей, которые в соответствии с идеологическими канонами времени, должны были изображаться полярно противоположными, правдиво изобразив насильственную ломку традиционного казачьего быта.

Ключевые слова: М.А. Шолохов; роман «Тихий Дон»; Григорий Мелехов; Гражданская война в России 1918–1922 гг.; донское казачество; Вёшенское восстание 1919 г.

Для цитирования: Белоусов М.Г. Антигерои Гражданской войны в ранней советской литературе (на примере эпopeи М.А. Шолохова «Тихий Дон») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 2. – С. 57–75. – DOI: 10.31249/lit/2026.02.04

¹ **Белоусов Максим Геннадьевич** – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московского международного университета; belousovm139@yandex.ru

© Белоусов М.Г., 2026

Поступила: 09.07.2025

Принята к печати: 03.03.2026

BELOUSOV M.G.¹ Antiheroes of the Civil War in early Soviet literature (based on M.A. Sholokhov's *And Quiet Flows the Don*)[©]

Abstract. The article presents a comparative analysis of two minor characters in Mikhail Sholokhov's novel *And Quiet Flows the Don*: Dmitry Korshunov and Mikhail Koshevoy. Belonging to two opposing camps of the Russian Civil War, far from any theoretical dogma, they act as the practical agents of its inhumane essence, embodying the ultimate cruelty of this fratricidal confrontation. Writing under the conditions of an increasingly totalitarian state and strict censorship, the author demonstrated outstanding civic courage. He virtually equated the two characters – who, in accordance with the ideological canons of the time, should have been depicted as diametrically opposed – yet remained true to a high humanistic ideal, truthfully depicting the violent destruction of the traditional Cossack way of life.

Keywords: Sholokhov M.A.; the novel *And Quiet Flows the Don*; Grigory Melekhov; Russian Civil War 1918–22; Don cossacks; Veshenskaya uprising of 1919.

To cite this article: Belousov, Maxim G. “Antiheroes of the Civil War in early Soviet literature (based on M.A. Sholokhov's *And Quiet Flows the Don*)”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2026, pp. 57–75. DOI: 10.31249/lit/2026.02.04 (In Russian)

Received: 09.07.2025

Accepted: 03.03.2026

Гражданская война стала величайшей социальной драмой для русского общества начала XX в. Никакое другое событие не приводило до того к столь глобальному расколу населения страны и не сопровождалось таким яростным идеологическим накалом, как борьба белого и красного лагерей в 1918–1922 гг. Разумеется, это должно было найти и соответствующее отражение в искусстве, в первую очередь литературе. Одним из немногих, кому удалось в полной мере показать Гражданскую войну как национальную трагедию, стал М.А. Шолохов – автор величайшего русского романа XX столетия, посвященного этой кровавой эпохе. Настоящее ис-

¹ **Belousov Maxim Gennadievich** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University; belousovm139@yandex.ru

© Belousov M.G., 2026

следование посвящено анализу двух на первый взгляд второстепенных персонажей шолоховской эпопеи, которые являются воплощением предельных крайностей морально-нравственной деградации человека в условиях Гражданской войны и с полным правом могут быть названы главными антигероями романа — Дмитрия Коршунова и Михаила Кошевого.

Текст «Тихого Дона» приводится по последнему Собранию сочинений М.А. Шолохова советского периода, выпущенному в 1985–1986 гг. В этом издании было восстановлено большинство цензурных купюр, сделанных в сталинскую эпоху. Некоторые из вырезанных эпизодов, прямо или косвенно упоминающие Троцкого и весьма важные для авторского замысла в отношении Кошевого, удалось восстановить только в 1980 г. [Кузнецов, 2005, с. 176]. При этом ряд фрагментов, особенно 3-й книги, посвященной Вёшенскому восстанию, выпущенных цензурой ещё в процессе написания, сразу после первых журнальных публикаций 1930-х годов, по-прежнему отсутствует. Продолжавшаяся вплоть до кончины автора борьба за восстановление исконного текста романа не могла быть окончена в советский период. Тем не менее даже в таких условиях М.А. Шолохов сумел однозначно показать сходство двух рассматриваемых нами персонажей.

Сразу же после выхода первых двух книг романа Шолохов столкнулся с обвинениями со стороны советской критики в недостаточной приверженности «пролетарскому началу» в литературе [Вишнякова, 2018, с. 34, 36]. Не обошел вниманием и Главлит — вплоть до 1956 г. роман неоднократно подвергался цензурным изменениям [Ермолаев, 2005, с. 94]. Это создавало специфические условия работы — требовалось воплощать замысел с постоянными оглядками на действующую конъюнктуру. С другой стороны, своряясь с текущими показаниями политического барометра, писатель получал возможность вести изощренную игру смыслов, понятную проницательному читателю и в основном ускользавшую от бдительного ока цензоров. Многоплановость шолоховского текста хорошо заметна в образах Коршунова и Кошевого. В отличие от Григория Мелехова, который до самого конца не может решить, на чьей же он стороне, эти двое достаточно быстро определяются со своей политической принадлежностью к враждующим лагерям. Оба персонажа относятся к окружению главного героя, приходится ему некровной родней (шурин и свояк), тем самым вступая в дальнейшее родство и друг с другом. При этом оба являются друг для друга смертными врагами, взаимно ищущими мести. Та-

ким образом, как будто бы намечается типичная для советской литературы о Гражданской войне дихотомия положительного «своего» и безусловно отрицательного «врага». Однако в философско-нравственном контексте романа это противопоставление оказывается иллюзорным. Оба персонажа неожиданно приобретают схожие черты, а местами обнаруживают пугающую близость мотиваций своих ключевых поступков. Рассмотрим их путь в романе.

Дмитрий Коршунов появляется на страницах «Тихого Дона» первым из них, очень рано – уже во второй главе. Более того, он первый из персонажей романа после семьи Мелеховых, кто получает описание внешности, скупое, но своеобразное: «Идет Митька, играет концом наборного пояса. Из узеньких щелок желто масляные круглые с наглинкой глаза. Зрачки – кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митькин текуч, неуловим» [Шолохов, 1985, т. 1, с. 21]. Обратим внимание на две детали: франтоватость (наборный пояс с серебром) и зооморфные глаза. Как выясняется в 15-й главе второй части, глаза у Коршунова все-таки не чисто желтые (что у людей встречается крайне редко), а желто-зеленые, но опять-таки «кошачьи».

Итак, бегающие, беспокойные глаза, неопределенного желто-зеленого цвета, с «кошачьим» зрачком. Необразован, даже в приходском училище выдержал только один год. Хорошо развит физически, вынослив (демонстративно не прячется от холода). Все это придает Митьке сходство с хищником. «Говорящей» является и сама фамилия. Скорее всего, семейство Натальи Коршуновой, состоящее вообще из людей почтенных, получило фамилию неблагородной хищной птицы именно из-за Митьки. Ранее в «Донских рассказах» Шолохов уже обращался к этой фамилии, но без каких-либо негативных коннотаций – в «Нахалёнке» её носит большевик Фома, отец Миньки, убитый восставшими казаками. Встречается там и фамилия Кошевой – в рассказе «Родинка» её носят отец и сын, сражающиеся по разные стороны фронта и невольно ставшие причиной гибели друг друга. Таким образом, обе фамилии уже были использованы писателем в ранних произведениях, однако ещё не выступали в качестве значимых деталей.

Во II, 2, Митька Коршунов совершает свое первое преступление – насилие над Елизаветой Моховой. Оно не является спонтанным: Коршунов знакомится с Елизаветой ещё в начале романа, когда на него, несомненно, от скуки, обращает внимание девушка иного круга. Уже давно вышедший из отрочества, он неожиданно чувствует сильное смущение: «внезапно покраснел... Ее коротень-

кая, таящая смех улыбка жиганула Митьку крапивой» [Шолохов, 1985, т. 1, с. 24], пытаюсь скрыть его напускной грубостью. Как следует из отвергнутой автором черновой версии I, 23, насилие над женщиной, причем в крайне грубой и циничной форме, не было вновь не только для Митьки, но и для самого Григория Мелехова [Шолохов, 2011, с. 107]. Но Коршунов после содеянного обнаруживает некоторую нежность к Елизавете. Похоже, что в это время Митька ещё не до конца испорчен, поскольку пытается исправить причиненное им зло традиционным у казаков способом – предложением брака и, не найдя понимания у отца, сам отправляется сватать Елизавету. Дед Гришака единственный, кто поддерживает его в этой ситуации. А Гришака Коршунов последовательно изображается в романе как праведник, способный видеть «помышления сердец». Следовательно, он не сомневается в честных намерениях внука в этот момент. Однако Митька встречает у Сергея Платоновича Мохова «теплый» прием с собаками – для богатого купца мысль о браке дочери с выходцем из простого казачьего семейства немыслима так же, как и для родителей Митьки. Видимо, именно в этот момент в душе Митьки происходит надлом, окончательно превращающий его в негодяя. После этого уже не приходится удивляться его циничному и бесстыдному обращению с брошенной мужем сестрой. Таким образом, инцидент с Елизаветой Моховой становится для Коршунова тем же, чем стала для Григория встреча с Аксиньей – поворотной точкой, определяющей судьбу персонажа на протяжении всего романа. Кроме того, преступление Коршунова непоправимо искало и всю последующую жизнь Елизаветы.

В дальнейшем появления Коршунова в тексте происходят эпизодически и вплоть до четвертой книги большой роли не играют. В последний раз он появляется на страницах романа в VII, 12 уже как член карательного отряда и в этом качестве вершит месть над семейством Кошевых. В это время он уже полностью сформировавшийся палач и садист, откровенно находящий удовольствие в расправах над беззащитными. Митька не чувствует ни малейших угрызений совести и дерзко отвечает на попытки Пантелея Прокофьевича пристыдить его. Н.В. Корниенко подметила глубинное сходство Коршунова с «естественным человеком» де Сада, исповедующим идею приоритета природы над культурой [Корниенко, 2003, с. 32]. Маловероятно, чтобы Шолохов сознательно проводил параллели с творчеством маркиза, но подобные садовским идеи в

русской литературе начала XX в. высказывались неоднократно («Санин» М.П. Арцыбашева, «босаякские» рассказы М. Горького).

Несомненно, Дмитрий Коршунов является безоговорочно отрицательным персонажем, который достаточно удачно вписывается в сложившийся к тому моменту в советской литературе образ врага-белогвардейца – насильник, убийца, садист, давно уже проявивший свою звериную сущность и многократно замешанный в преступлениях как военных, так и уголовных. Абсолютно лишен совести и каких-либо моральных устоев. Живя в казачьей среде, Митька наружно соблюдает некоторую религиозную обрядность, но не более того. Его способ мести за семью глубоко архаичен и выражает принцип коллективной ответственности: Коршунов даже не пытается встретиться с Кошевым, подлинным виновником гибели родных, а уничтожает первых попавших под руку близких врага. Немаловажно, что убитая Митькой мать Кошеного в целом не одобряла переход сына к большевикам, не была дома во время визита Мишки в хутор, следовательно, даже косвенно не причастна к его расправе над семьей Коршуновых.

Обратимся теперь к образу Михаила Кошеного и проследим его параллели с Коршуновым.

Ко времени создания «Тихого Дона» в советской литературе уже сформировались определенные приемы изображения героя-революционера, основанные на ряде произведений дореволюционной эпохи (романы Н.Г. Чернышевского «Что делать?», А. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» и в особенности «Мать» М. Горького). Катерина Кларк выделяет три «типа символических отношений», присущих положительным героям в этих произведениях: восприятие братьев по идеологии как семьи, которая нередко вытесняет семью настоящую; «прозрение» наивного персонажа под влиянием «учителя»-революционера старшего поколения; элемент мученичества (подчеркнуто аскетическая жизнь, тюрьма, ссылка, казнь) во имя торжества революции [Кларк, 2002, с. 37]. Немаловажен также облик героя: его изображали почти иконописным: «герой благообразен, серьезен, грозен и спокоен, горд и смел, со светом в глазах, открытых и полных ума, доброты и человеческой теплоты» [там же, с. 45]. Нетрудно заметить, что этот образ в значительной мере агиографичен и более напоминает идеализированные изображения святых воителей средневековой литературы, чем реальных людей. В «Тихом Доне» присутствует целая галерея революционеров, как вымышленных,

так и реальных, хорошо вписывающихся в этот стандарт. Но Михаил Кошевой явно не из их числа.

Кошевой появляется в романе сравнительно поздно – только в девятой главе второй части, однако его роль несравненно важнее, чем у Коршунова. На первый взгляд это типичный революционный персонаж: выходец из низов, который «прозрел» и безоговорочно принял «единственно верное учение» партии, беспощаден к врагам «народной власти», претерпел немало опасностей, но благополучно дожил до конца войны, чтобы в дальнейшем строить новую светлую жизнь. Подчиняясь требованиям цензуры усилить роль большевиков в романе, Шолохов должен был под конец выдвинуть Кошевого на первый план в повествовании. Однако его соответствие канону оказывается иллюзорным.

Внешность Кошевого одновременно производит впечатление упрямства и некоторого простодушия: «коренаст, одинаково широк и в плечах и в бедрах, оттого казался квадратным; на чугунно-крепком устое сидела плотная, в кирпичном румянце, шея, и странно выглядела на этой шее красивая в посадке небольшая голова с женским очертанием матовых щек, маленьким упрямым ртом и темными глазами под золотистой глыбой курчавых волос» [Шолохов, 1985, т. 1, с. 143]. Он сын батрака, причем, судя по реплике деда Гришаки в VI, 65, отец Кошевого не пользовался в хуторе уважением. Вначале Мишка вполне соответствует соцреалистической традиции изображения положительного героя: бедный малограмотный казак, искренне, как и его товарищ Котляров, веривший в незыблемость традиционного уклада, однако встретивший своего партийного учителя – Штокмана, под влиянием которого ему открывается истина.

В дальнейшем Кошевой не сразу начинает принимать активное участие в событиях – на фронте он не получает ни званий, ни наград; устав от войны, быстро скатывается к пораженчеству, пытается агитировать, но безуспешно. Его мечты о счастье остаются крайне примитивными: «я, парень, жадный до жизни стал – как вспомню, сколько на свете красивых баб, аж сердце защежит! Вздумаю, что мне их всех сроду не придется облюбить – и кричать хочу с тоски! <...> А то тоже с большого ума приладили жизнь: всучут одну тебе до смерти – и мусоль ее, нешто не надоисть?» [Шолохов, 1985, т. 2, с. 164]. Необходимо отметить, что в издании 1953 г. весь этот не подобающий истинному большевику фрагмент был опущен цензурой [Ермолаев, 2005, с. 167]. Окончательный переход Кошевого к большевизму происходит уже после возвраще-

ния в Татарский с фронтов мировой войны в начале 1918 г. В этом его поведении можно подметить особенность изображения революционных событий Шолоховым, указанную И. Сухих: «Революция, или «октябрьский переворот» (этикетки события в «Тихом Доне» варьируются), входит в мир романа, в отличие от войны, внезапно и тихо. Она не сваливается, а подкрадывается» [Сухих, 2000]. Именно так, «тихой сапой» до поры до времени действуют в романе и Кошевой, и другие большевики.

Советская критика обращала внимание на сцену ухода Кошевого из хутора к большевикам в V, 22, в особенности на фразу: «Расходятся, видно, наши тропки!», которой Кошевой прощается с Григорием Мелеховым и Христоней, отказавшимися сразу уходить, подавая это так, что «сильной и твердой натуре Кошевого чужды сомнения и колебания, он более никогда не свернет с избранного пути, хотя не раз вынужден будет силою обстоятельств отступать или таиться» [Семанов, 1982]. Действительно, Кошевой к тому моменту вполне созрел для участия в Гражданской войне. Однако есть в сцене прощания бывших друзей ещё одна деталь: когда Григорий сцепляется с Валетом, настаивающим на немедленном уходе к красным, Кошевой вступается за последнего со словами: «Казацкие замашки бросать бы надо». Следовательно, в сознании Кошевого действительно грубое поведение Григория, которое Валет определяет как «офицерство», уже слилось с понятием казачества как такового. В этот момент Кошевой не столько расходится с бывшими друзьями – с ними он ещё встретится неоднократно, причем они будут пытаться возобновить прежнюю дружбу, сколько отрекается от собственного происхождения. Это первая декларация разрыва Кошевого с казачеством, чего неизбежно требовал его путь к большевикам.

Показательна стычка Кошевого со старшим атарщиком Солдатовым (VI, 3), которому он неосторожно признался в своей симпатии к большевикам. Солдатов грозит донести, и перепуганный Мишка, опасаясь разоблачения, готов его убить. С.Н. Семанов использует этот момент, чтобы в очередной раз попытаться оправдать поведение Кошевого: «главное – возникает новое, и очень серьезное препятствие на пути присоединения его к общему делу, которое он избрал себе на всю жизнь («к своим не перебегу»)... он, Кошевой, может пропасть для общего дела, для революции, для новой России...» [Семанов, 1982]. Но так ли это на самом деле? В первый момент Кошевой настроен весьма решительно, он уже мысленно подыскивает оправдания задуманному убийству. Но

при виде презрительного превосходства Солдатова «Мишка потух, лишь ноги хлипко задрожали, да пот проступил на спине и под мышками... У него дрожала челюсть, растерянно бегали глаза» [Шолохов, 1985, т. 3, с. 32]. На убийство Кошевой так и не решается не только потому, что это неизбежно означало бы для него тюрьму, откуда невозможно уйти к красным. Он откровенно трусит, столкнувшись с более сильным противником, который ощущает полное моральное превосходство над ним. Солдатов в этот момент выступает убежденным защитником старого казачьего уклада, смертного врага которого он инстинктивно угадал в Кошевом. Несомненно, обвинения, возводимые им на Мишку («жидам ты продался»), сами по себе нелепы, но суть идей Кошевого Солдатов угадывает верно: «все вы такие-то, хотите искоренить нас?!... Чтоб нас от земли отнять?!» [там же, с. 31]. На страницы романа впервые падает черная тень будущей политики расказачивания, которая вызовет в недалеком будущем сначала яростное и масштабное Вёшенское восстание, а позднее, уже после укоренения советской власти на Дону – множество отдельных отчаянных выступлений, наподобие фоминского, которое тоже найдет объективное отражение в последних главах «Тихого Дона».

В этой сцене проявляются две важные черты, определяющие некоторые будущие поступки Кошевого – его отнюдь не привлекает перспектива стать мучеником революции, он и в дальнейшем будет испытывать постыдный для себя самого страх перед врагами, легко переходящий затем в жестокость к побежденным и беззащитным, а также намечается его враждебное отношение к Мironу Григорьевичу Коршунову, избавившему его от отправки на фронт, что Мишка отнюдь не счел благодеянием для себя. Вскоре Кошевой все-таки окажется на некоторое время в действующем полку, но уйти к красным так и не сумеет, вернувшись в Татарский уже после развала фронта, перед самым отступлением Донской армии.

После прихода красных Кошевой быстро оказывается на должности товарища хуторского председателя и успешно пробует себя в новом качестве – доносчика. Именно с его подачи составляются расстрельные списки, куда попадает сначала Мiron Григорьевич Коршунов с шестью другими стариками, а затем и отец с сыном Мелеховы.

В момент начала Вёшенского восстания Кошевой едва не погибает, оказавшись в руках разъяренных казаков, и только заступничество неизвестного спасает его от расправы. Как показал

Г. Ермолаев, первая публикация этой сцены в журнале «На подъеме» (1930. – № 6. – С. 15–17) содержала намного более беспощадные характеристики поведения Мишки: «И на миг не пришла Кошевому в голову мысль о защите. Он тихо слез с саней, не глянув на Емельяна, отошел к плетню... упал он не от боли (пуля лишь слегка оцарапала ему плечо), а скорее от страха. Он ждал разрешающего мгновения смерти». Позднее, прячась у Степана Астахова, Мишка униженно просит не выдавать его: «Всю жизнь буду слугой», и даже пускает слезу. Неприветливо встречает его в родном курене мать: «Смерть ты на меня наводишь. – Куда же я пойду, маманя? Куда ты меня гонишь? Али я тебе не сын? – Иди, куда хошь, нехай убьют, но не на моих глазыньках. Бери кобылу и езжай. Уходи. Не хочу я тебя тут зрить». Все эти места были выброшены советской цензурой при публикации в журнале «Октябрь» (1932. – № 1). Был убран и аргумент заступившегося за Мишку безымянного казака: «Ежли красные расстреливали, значит, и мы должны?» [Ермолаев, 2005, с. 35]. Эти изъятия не были восстановлены в дальнейшем и продолжают отсутствовать даже в постсоветских массовых изданиях романа.

Итак, в этой ситуации Кошевому и на миг не приходит в голову пасть смертью храбрых, как подобало бы «настоящему» герою-большевику, – он откровенно трусит, больше не пытаясь прикрываться никакими высокими соображениями о необходимости спастись для дальнейшего участия в борьбе.

Поворотным моментом в становлении Кошевого как «непоколебимого бойца революции» является убийство пленных казаков во главе с Петром Мелеховым. Если до этого Кошевой дебютировал на службе красным в качестве доносчика, то здесь он в первый, но далеко не последний раз выступает палачом. Несомненно, участь пленных была решена им заранее: «в слове «отпустим» показалась ему (Петру. – М. Б.) невидимая ухмылка». В последний раз в этой сцене Кошевой испытывает жалость к бывшему другу, но лишь на мгновение: «длинные выгнутые ресницы Мишки затрепетали, пухлая верхняя губа, осыпанная язвочками лихорадки, поползла вверх. Такая крупная дрожь забила Мишкино тело, что казалось – он не устоит на ногах, упадет. Но он сейчас же, рывком вскинул на Петра глаза, глядя ему прямо в зрачки, вонзаясь в них странно-чужим взглядом...» [Шолохов, 1985, т. 3, с. 185]. Известно, принимал ли Кошевой участие в казни десяти других пленников, но, скорее всего, в стороне не остался. Не приходится сомневаться, что, оказись в числе пленных Степан Астахов, со-

всем недавно приютивший Кошевого, его постигла бы та же участь. Обратим внимание на такую деталь, как приказ Петру раздеться перед расстрелом. Учитывая природную хозяйственность Мишки (ср. его реплику о вентерях в V, 22), можно подумать, что он намеревался с пользой употребить вещи казенных. Вероятно, здесь сказалось влияние Штокмана, который в VI, 24 распоряжался конфискованной одеждой. Однако из описания нескольких погибших в 34-й главе следует, что раздели не всех. Один из убитых «был в сапогах и шинели; даже шапка лежала на груди», не был раздет и Мартин Шамиль. Видимо, раздели одного Петра, и в этом случае поведение Кошевого нельзя расценить иначе, как намеренное унижение приговоренного с целью подавить последние остатки жалости к нему.

Следует заметить, что гибель Петра является началом конца семьи Мелеховых. До этого момента все в ней оставались живы, за исключением Дарьиного «дитяти», о котором неизвестно абсолютно ничего – ни имени, ни возраста, ни даже пола. Но начиная с этого момента смерть действительно «прилюбила курень Мелеховых». За полтора следующих года умирают Наталья, Дарья, Пантелей Прокофьевич, Ильинична, в дальнейшем умрет и маленькая дочь Григория Полюшка. Таким образом, роль Кошевого в этой сцене глубоко символична: именно он начинает истребление семьи главного героя, за которым встает разрушение вековой казачьей общины на Дону. Здесь Кошевой окончательно порывает с породившей его казачьей средой, становясь ее свирепым врагом и гонителем. В дальнейшем его зловещая роль в романе обрисовывается все более отчетливо. При следующем появлении он выступает уже даже не палачом, а убийцей и бессмысленным разрушителем.

Благополучно избежав второй раз за месяц гибели при сдаче Сердобского полка, Кошевой начинает мстить за Штокмана и Котлярова. В VI, 65 приведен впечатляющий список его подвигов: многочисленные казни пленных повстанцев: «Рубил безжалостно!» (ср. сцену экзистенциального ужаса, охватившего Григория Мелехова после боя, отнюдь не при расправе над безоружными, в VI, 44: «Кого ж рубил! <...> Братцы, нет мне прощения! Зарубите... смерти... предайте!»); полторы сотни сожженных дворов, какая-то уже нечеловеческая жестокость ко всему живому: «А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с ревом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки» [Шолохов, 1985, т. 3, с. 359]. Отличился Кошевой и

при наезде в свой родной хутор, где убил деда Гришаку и сжег восемь домов.

Понимая, что подобные действия «своего» персонажа неминуемо привлекут внимание цензуры, Шолохов был вынужден прибегнуть к сложной мотивировке, введя в роман неявные отсылки к распоряжениям Троцкого относительно рассказывания. В VI, 64 приведен, без указания автора, подлинный текст приказа Троцкого от 25 мая 1919 г. о подавлении восстания. 27 мая этот приказ слушал в строю Кошевой, которому «крепко запомнились слова: «...Гнезда бесчестных изменников должны быть разорены. Каины должны быть истреблены...» И ещё: «Против помощников Колчака и Деникина – свинец, сталь и огонь!» [там же, с. 356]. С 1929 г., после падения Троцкого, господствующей в советской печати тенденцией стало обвинять его во всех неудачах и преступлениях, начиная от попытки сорвать подписание Брестского мира и заканчивая сотрудничеством с нацизмом. Деятельность бывшего председателя РВС во время Гражданской войны служила прекрасным оправданием жестокости Кошевого – ведь, по сути, он изображен в романе троцкистом.

Тем не менее такое поведение «своего» героя в дальнейшем создавало определенные трудности для советской критики. Жестокость Кошевого предпочитали либо не замечать, изображая его «рыцарем революции» [Лежнев, 1948], либо оправдывали её контекстом Гражданской войны и увлечением троцкизмом [Семанов, 1982].

При въезде в родной хутор Кошевой, давно отрекшийся от породившей его среды, демонстративно соблюдает некоторые казачьи обычаи, в частности, украшает уздечку своего коня стеклянными шарами, содранными с трофейной купеческой кровати. Он несколько не задумывается над нелепостью своего поведения: «Несмотря на то, что зрение коня страдало от блеска шаров, не глядя на то, что конские глаза, пораженные светом, истекали слезами, – Мишка не снял с уздечки ни одного шара» [Шолохов, 1985, т. 3, с. 360]. Это почти суеверное соблюдение Мишкой казачьего обычая лишь оттеняет его деятельность в хуторе как убийцы и разрушителя. В сущности, к этому моменту исчезает какая-либо разница между поведением Кошевого и Коршунова. Оба отличались в бессудных расправах, убивают, не разбирая своих жертв, оба демонстрируют крайнюю и совершенно бессмысленную жестокость. Вся разница между ними в том, что Кошевой рубил пленных и сжигал дома, а Коршунов сек пленных до смерти и не

гнушался убийством старух и детей. Однако по большому счету ни один из этих двоих не лучше другого – оба ведут себя в Татарском как враги, и в этом качестве воспринимаются семьей Мелеховых.

Ещё одна параллель между двумя антигероями наблюдается в сцене заочного сватовства к Дуняшке Мелеховой. И Коршунов, и Кошевой со своими притязаниями приходят незванными в чужой дом, с хозяевами которого их разделило преступление – насилие над Елизаветой Моховой у первого и кровь Петра на руках у второго. Однако Коршунов, ещё не до конца утративший в это время совесть, сознает свою вину и пытается почтительно говорить с хозяином, тогда как Кошевой цинично заявляет в глаза своей будущей свекрови, старшего сына которой недавно убил, что такая же участь ожидает и младшего: «Григорий, ваш сынок – самый лютейший для Советской власти оказался враг. Перейдем мы на эту сторону – и ему первому шворку на шею наденем». А озвучив цель своего визита, откровенно грозит: «Евдокею дуриком ни за кого не отдавайте, а то вам плохо будет», хотя и пытаюсь смягчить угрозу весьма специфическим посулом: «...а ежели вам что из буржуйского, купецкого имения надо – говорите: зараз пойду и приволоку» [там же, с. 366]. Кошевой явно ощущает себя хозяином в доме Мелеховых, поскольку реальные хозяева приговорены им к смерти, и он уже начал исполнять приговор.

Последнее и самое длительное по времени появление Кошевого в романе происходит в VIII, 2–9. Вернувшись с фронта осенью 1920 г., он на следующий же день навещает опустевший курень Мелеховых, где ведет себя по-прежнему нагло и самоуверенно. Он все так же полон злобы на отсутствующего Григория, все так же ощущает себя хозяином в чужом доме. При этом Кошевой с удивительным двоедушием заявляет, что сердце у него, в сущности, доброе: «Животную не могу убить, может, со зла только, а такую, вы меня извиняйте, пакость, как этот ваш сват или другой какой вражина – могу сколько угодно! На них, на врагов, какие зря на белом свете живут, у меня рука твердая! <...> Станет меня совесть точить из-за такого барахла, как этот дед» [Шолохов, 1986, т. 4, с. 275]. Здесь происходит очередная, весьма яркая и демонстративная, манифестация принципов Кошевого – он давно уже научился делить людей на своих и чужих, не имея к последним никакой жалости независимо от того, кем они доводились ему прежде. Это единственная мерка, которой он пользуется в своей жизни – любая жестокость оправдана, если направлена во благо светлого будущего: «Все дело в том, за что души губить и какие, –

значительно сказал Мишка» [там же, с. 276]. Этим же принципом определяет он и свое отношение к Григорию, который остается для Кошевого смертным врагом, несмотря на честную службу у красных: новая власть щедро отпускает грехи своим верным сторонникам, но участники восстания не могут рассчитывать на прощение, так как бывших врагов не бывает: «А насчет прощения погодить надо... Надо ишо разглядеть, как он его заслужил. Нашей крови он пролил немало. Ишо примерить надо, чья кровь переважит....» [там же, с. 291]. Уроки, полученные им из наставлений Штокмана и приказов Троцкого, были усвоены в полной мере. Мишка теперь не принадлежит к казачеству даже формально, окружающая мирная жизнь, которой с таким нетерпением ждали во всех станицах Дона, ему чужда, поэтому, первоначально ретиво взявшись за хозяйство, он довольно быстро остывает к домашним заботам. Всем своим поведением он демонстрирует, что отныне в доме Мелеховых появился новый хозяин, а прежний, последний оставшийся в живых из мужчин семьи, всего лишь нежеланный пришелец, которому после возвращения совсем недолго суждено прожить под родным кровом. Однако семья Мелеховых ещё некоторое время не теряет надежды на примирение с Мишкой. Глубоко символичен поступок умирающей Ильиничны, которая, скрепя сердце, передает нелюбимому зятю бережно хранимую рубаху Григория, тем самым демонстрируя принятие Кошевого в их семью, состоявшееся несмотря на разделившую их кровь. Как отмечает В.В. Гура, «в этом значительном для Ильиничны жесте Шолохов вновь видит великую мудрость матери, уходящей из мира с верой в торжество добра в её доме» [Гура, 1989, с. 198]. Без всякой вражды встречается с ним и Григорий, вернувшийся домой с честным намерением мирно хозяйствовать, навсегда забыв о войне. Но всем этим надеждам не суждено исполниться.

До возвращения Григория Кошевой удается получить пост председателя хуторского ревкома. Ещё одна деталь: он не выбран, а назначен станичным партийным комитетом, видимо, с учетом бывших заслуг. В этом качестве Мишка разворачивает бурную деятельность и начинает поиск затаившихся врагов по хутору: «Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!». По меткому и не лишённому юмора определению И. Сухих, он выступает здесь как «Немезида в лампадах с хутора Татарского» [Сухих, 2000]. Меняется и его внешнее поведение, теперь он откровенно упивается собственной значимостью, рисуясь перед земляками, и снова не замечает, насколько неестественно это выглядит: «Должность

председателя кое к чему обязывала... Мишка шел медленно и важно; походка его была столь необычна, что кое-кто из хуторных при встрече останавливался и с улыбкой смотрел ему вслед» [Шолохов, 1986, т. 4, с. 296]. Уверен он и в собственной безнаказанности: «Перед кем же я могу быть в ответе?» При этом он окончательно забрасывает хозяйство, проводя все дни в ревкоме, чем вызывает настороженное недовольство Дуняшки: «Беды я наберусь с таким муженьком! Как, скажи, он у чужих людей живет: полдня курит, полдня чухается, а работать некогда... ежели он будет и дальше так стараться в хозяйстве, нужду из дома и лопатой не выгребешь...» [там же, с. 289]. Вообще семейная жизнь Кошевого и Дуняшки довольно быстро дала трещину – постоянные намеки Мишки на то, что Григорию придется отвечать за свои дела, раздражали и возмущали её. Но и председательство Кошевого оказывается столь же бестолковым, как его домашние дела: он упускает из рук дезертира Кирилла Громова, неуклюже пытается объяснить хуторским старикам причину отсутствия соли, сваливая всю разруху на бывшую кадетскую власть, причем сам прекрасно понимает нелепость подобных доводов, но не смущается ею: «Не дюже большая беда будет, ежели я на сволочей и наговорю немножко. Все одно они сволочи, и им от этого не убудет, а нам явится польза...» [там же, с. 302]. Осмелимся предположить: не является ли такое поведение Кошевого метафорой всей той новой и отнюдь не радостной жизни, которая наступила на Дону после Гражданской войны? Впрочем, председательствовал Кошевой лишь несколько месяцев: из слов Аксиньи в VIII, 17 известно, что к лету 1921 г. его уже не было на должности. Видимо, Мишку все-таки сочли не справившимся с обязанностями, или он проштрафился, попытавшись вновь развернуть в Татарском политику рассказачивания, от которой власть в тот момент временно отказалась в связи с переходом к НЭПу.

Григорий, вернувшись домой, сразу сталкивается с холодной отчужденностью Кошевого: «хотел обнять Михаила, но увидел в безулыбчивых глазах его холодок, неприязнь, и сдержался». И в дальнейшем Мишка не выказывает ни малейшей радости по поводу встречи с бывшим другом. Он снова демонстрирует двоедушное поведение: устроив Григорию хлебосольную встречу, заявляет затем о своей неприязни: «Враги мы с тобой... Ненадежный ты человек». Показательно, что Григорий совершенно не ожидает подобного и ошеломлен этими заявлениями: «Ты выпил нынче лишнего, Михаил». Ему и в голову не приходит, что его намерение

бросить опостылевшую войну и вернуться к мирному хозяйствованию подвергнут сомнению. Однако все попытки переубедить Кошевого остаются тщетными – тот упрямо продолжает видеть в Григории только классового врага, к которому одержим ненавистью: «случись какая-нибудь заварушка – и ты переметнешься на другую сторону...» Кошевой снова напоминает, что не пощадил бы Мелехова, встретившись с ним в бою, и не верит, что тот поступил бы с ним иначе. За участие в восстании Григорий, по мнению Кошевого, заслуживает только смерти: «Ревтрибунал или Чека у тебя не будет спрашивать, чего ты хочешь и чего не хочешь, и торговаться с тобой не будут. Раз проштрафился – получай свой паек с довеском. За старые долги надобно платить сполна!». В конце разговора он открыто угрожает Григорию арестом: «Приказ есть такой: регистрироваться немедленно... Отправляйся завтра же, а ежели добром не пойдешь – погоню под конвоем» [там же, с. 314–324]. В результате, хотя Григорий и называет про себя слова Кошевого «дурацкими проповедями», он понимает, что это не пустая угроза, и его охватывает гнетущее ощущение, которым он на другой день делится с Прохором Зыковым: «Ежели и окружная власть обо мне такого мнения, как Кошевой, тогда мне тигулевки не миновать» [там же, с. 329]. Вопреки утверждению С.Н. Семанова, снова пытающегося оправдать Кошевого, он не «предчувствует» уход Григория к Фомину, а сознательно провоцирует его на новое противостояние с властью. Он уверен, что Григория не сегодня-завтра должны арестовать, и готов этому всячески содействовать. Враг, разумеется, не смирился и не раскаялся, а лишь затаился на время, нужно добиться, чтобы он проявил себя, и тогда со спокойной совестью его можно будет уничтожить – такова железная логика Мишки, в полной мере основанная на пресловутом «революционном правосознании». Ф.Ф. Кузнецов, указывая на хорошо известный факт, что прототипом Григория послужил Харлампий Ермаков, командир 1 повстанческой дивизии, расстрелянный в 1927 г., видит в этом разговоре ясное указание на последующую судьбу героя за пределами романа [Кузнецов, 2005, с. 189].

В результате всего через несколько дней Григорий вынужден снова бежать из едва обретенного дома: «Задыхаясь, Дуняшка торопливо сказала: – Братушка, уходи зараз же! К нам приехали четверо конных из станицы. Сидят в горнице... Они говорили шепотом, но я слыхала... Михаил говорит – тебя надо арестовать... Рассказывает им про тебя...» [Шолохов, 1986, т. 4, с. 343]. Кто же эти недобрые ночные гости? Едва ли они приехали случайно. Бо-

лее чем вероятно, что это местные чекисты, которые уже взяли Мелехова на учет как бывшего командующего повстанческой дивизией. Поскольку незнакомцев четверо, арест Григория, скорее всего, планировался в ту же ночь, к Кошевому, как председателю ревкома, они заехали только за необходимыми для дела показаниями. И разумеется, он готов к их появлению и щедро предоставляет всю нужную информацию. Снова Кошевой выступает в роли доносчика, намереваясь доделать начатое почти два года назад, когда только вспыхнувшее Вёшенское восстание спасло Григория от ареста. Это его последнее, и отнюдь не благовидное, действие в романе.

Подведем итоги. И Коршунов, и Кошевой последовательно действуют в романе как антигерои, в значительной мере схожие по характеру и поведению, несмотря на свою принадлежность к противоборствующим лагерям. Оба живут исключительно войной и не мыслят себе вне её – Коршунов открыто признается в любви к ней, Кошевой готов бесконечно воевать с тайными врагами Советской власти. Оба безмерно далеки от идеи прощения кого бы то ни было, проявляют крайнюю жестокость в расправах над невинными жертвами. Оба выступают в романе как мстители. Но Коршунов мстит за своих, что с точки зрения патриархального общества оправдано – убей он Кошевого в бою или даже безоружного, как это собирался сделать Антип Брехович в VI, 27, это едва ли вызвало бы осуждение казаков; неприемлемым представляется лишь осуществление мести по признаку коллективной ответственности. Кошевой же осуществляет классовую месть за погибших однопартийцев, которые, как требует соцреалистический канон, давно стали для него самыми близкими людьми, и вершит её по тому же принципу, не останавливаясь перед уничтожением бывших друзей. Этим они обнаруживают поразительное сходство мотивации. Жестокость Коршунова порождена его давними преступными наклонностями и войной, своеобразной персонификацией бедствий которой он становится. Кошевой же выступает в роли мрачного знамения времени: по мнению И.И. Цыценко, «появление внутри казачьей общности такого национального типа, который воплощен в образе Кошевого, отвергающего веру и все традиционные устои донского казачества, является в романе-эпосе трагическим знаком скорой гибели этой уникальной этнокультурной общности» [Цыценко, 2004, с. 171]. Не случайно в последней части романа Кошевой возвращается в родной хутор и действует там как торжествующий завоеватель на чужой земле. Он воплощает

новый порядок, пришедший всерьез и надолго, который ещё не раз проявит свою враждебную для казачества сущность.

Итак, оба персонажа совершают множество неприемлемых с точки зрения традиционной морали деяний, тем самым ставя себя вне породившей их казачьей среды. Неудивительно, что семья Мелеховых воспринимает их как врагов. При этом главный герой романа не видит между тем и другим какой-либо заметной разницы: «По мне они одной цены – что, скажем, свояк мой Митька Коршунов, что Михаил Кошевой» [Шолохов, 1986, т. 4, с. 327]. Разумеется, сам Григорий совершает в жизни немало жестоких поступков, подчас сближающих его с антагонистами. Собственно, насилие в военизированной казачьей среде является неотъемлемой частью жизни. Однако важно принципиально иное отношение к нему героя. Григорий был способен на мучительные колебания, жестокие сомнения в правильности своего пути, страшные минуты раскаяния. Ни Коршунов (за единственным исключением), ни Кошевой никогда не испытывали ничего подобного. Поэтому едва ли можно усомниться, что герой романа имел право на такую оценку.

Список литературы

Вишнякова Е.С. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 1920-х – начала 1940-х годов XX века : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2018. – 212 с.

Гура В.В. Как создавался «Тихий Дон». – Москва : Сов. писатель, 1989. – 460 с.

Ермолаев Г. «Тихий Дон» и политическая цензура, 1928–1991. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – 253 с.

Кларк К. Советский роман : история как ритуал : пер. с англ. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. – 259 с.

Корниенко Н. Читатели и нечитатели у Шолохова : (Контексты темы) // Новое о Михаиле Шолохове : исследования и материалы / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 5–95.

Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон» : судьба и правда великого романа / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького ; науч. ред. А.Л. Гришунин. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – 864 с.

Лежнев И. Михаил Шолохов. – Москва : Сов. писатель, 1948. – 519 с.

Семанов С.Н. «Тихий Дон» – литература и история. – Москва : Современник, 1982. – URL: <http://sholohov.litinfo.ru/sholohov/kritika/index.htm> (дата обращения: 05.06.2025).

Сухих С.И. Одиссея казачьего Гамлета (1925–1940. «Тихий Дон» М. Шолохова) // Звезда. – 2000. – № 10. – С. 219–230. – URL: <http://sholohov.litinfo.ru/sholohov/kritika/index.htm> (дата обращения: 05.06.2025).

*Антигерои Гражданской войны в ранней советской литературе
(на примере эпоса М.А. Шолохова «Тихий Дон»)*

Шолохов М.А. Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Художественная литература, 1985–1986.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Динамическая транскрипция рукописи. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – 879 с.

Цыценко И.И. Концепция семьи в романе-эпосе М.А. Шолохова «Тихий Дон» : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 191 с.